

*Солнце без света
как может быть солнцем?*

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Сейчас, оглядываясь назад, вижу, в истории с Георгием ничего не происходило случайно. Потому и давалось всё непросто, с напряжением. Чтобы прочитать и осмыслить тайнопись его жития, его эпохи, понадобились годы. Поездки, неожиданные встречи, экспедиции, работа над новыми рукописями, даже неудачи «подпитывали» главный труд моей жизни

Книгу эту я писал лет двадцать, а шел к ней всю жизнь. Судьба? Наверное. Ибо «что должно произойти, то — неизбежно». Так и случилось, ход жизненных событий сам, шаг за шагом, и не всегда по моей воле, открывал тайнопись лабиринтов Времени. Осторожно, порой наощупь я продвигался вперед по бесконечному пути в прошлое.

А распахнулся вход в лабиринт неожиданно.

Начало положила экспедиция в Дагестан: здесь, в окрестностях города Дербента, мы нашли следы пребывания святого Георгия. В том не было ни малейшей случайности или нечаянной удачи. Находке предшествовала большая исследовательская работа. Открытие родилось «на кончике пера»,

Дербент.
Ворота
крепости
Нарын-кала

я, можно сказать, «вычислил» место подвига святого — так в свое время астрономы обнаружили планету Нептун. Это время стало счастливейшим периодом моей жизни, удавалось всё.

Я снял фильм, в середине 90-х его показывали по Центральному телевидению, были отклики зрителей, публикации в прессе, письма читателей, словом, то, что принято называть успехом.

Но, честно скажу, просмотрев фильм как бы «со стороны», чужими глазами, почувствовал, в нем не хватает важной детали. А какой, сам не знал. С тех пор в глубине души поселилось ощущение неуюта — как от потери чего-то сокровенного. Не сразу понял, главное осталось за кадром. Сам подвиг!

Что сделало Георгия великим святым? Вторым после Бога? Победоносцем? Удостоиться такого можно, лишь осуществив нечто грандиозное. Исполнив величайшее деяние! Сродни сотворению мира. Ну, или чуть меньше... Солнце без света как может быть солнцем?

В каждом его образе — будь то покровитель воинов или землепашец, победитель дракона или спаситель слабых, волчий пастырь или предводитель Небесного воинства — прочитывалась своя история. Объединяла их всеобщая к нему любовь. И тайна...

Чем глубже погружался в тему, тем сильнее ощущал, что «тайна сия велика есть». Она сокрыта в самых глубоких хранилищах мира, спрятана за самыми тяжелыми печатями, покоится среди особо охраняемых документов человечества...

Тогда и родилось желание написать такую книгу о святом Георгии, каких никто в мире не писал. Необычную. Познавательную.

Первый вариант получился быстро, на одном дыхании — по горячим следам работалось легко. Однако издать рукопись в Москве, как говорится, не сложилось. И текст пошел «гулять» по СССР. Интерес к теме был, но с изданием не спешили, всякий раз возникали какие-то

проблемы. Шла непредсказуемая горбачевская перестройка, тогда с надеждой связывали лишь случай.

Вызвался помочь Дагестан. Здесь в маленькой местной типографии успели напечатать сорок экземпляров, и — всё. Работу остановили, как сказали, «по техническим причинам». Те, полукустарные, сделанные наспех книжечки дóроги мне фактом своего рождения — важно было объявить тому... Удалось! Случилось это в 1997 году.

Не стану рассказывать, как позже издавал книгу «Европа. Тюрки. Великая Степь». Ее заметили читатели, она выдержала девять переизданий, здесь своя долгая история. Важно, что там был Георгий. Пусть в качестве приложения, пусть сокращенный вариант, но он увидел свет. Мой Георгий!

...Теперь уже и не скажешь, когда впервые услышал его имя. То было в далеком детстве, о святом Георгии рассказывала бабушка, называя его «нашим святым». Моя русская бабушка, Екатерина Ивановна, ввела меня, пятилетнего мальчишку, в его мир, от нее узнал это имя. Возможно, «наш святой», прямо не говорила, не помню, но на всю жизнь усвоил — он «наш защитник». Самый главный в мире святой. Победоносец.

Чей «наш?» Спросить уже не у кого, бабушки давно нет с нами. Осталось ощущение тайны, которое до поры до времени дремало где-то в подсознании, никак себя не проявляя.

Святой Георгий оплечный. Монастырь святой Екатерины на горе Синай.
Кон. XII — нач. XIII в.

Сейчас, оглядываясь назад, вижу, в истории с Георгием ничего не происходило случайно. Потому и давалось всё непросто, с напряжением. Чтобы прочитать и **осмыслить тайнопись** его жития, его эпохи, понадобились годы. Поездки, неожиданные встречи, экспедиции, работа над новыми рукописями, даже неудачи «подпитывали» главный труд моей жизни.

Опыт, мудрость пришли не сразу, долгой оказалась дорога к Георгию. Мои книги, как вехи, отмечают путь к нему. В этом многолетнем странствии постепенно открывалась взаимосвязь событий, их начало и конец в картине Времени.

*Память сердца живою водой омываю –
Открывается прошлого тайная суть.
Столько лжи... Я пишу свои книги, страдая.
О, ожившая память, полынный мой путь!*

Так сказал один из читателей о моих поисках.

И в самом деле, постичь тайнопись жизни святого Георгия было непросто. Трудности преодолевал терпением и болью. С каждой новой публикацией все острее чувствовал ответственность за любое сказанное слово. «Полынный мой путь» — так назвал очередную книгу, а это 960 страниц текста. Она стоит в ряду с «Азиатской Европой» — еще 1128 страниц.

Полынный мой путь...

Сейчас понимаю, в то далекое странствие позвал меня голос крови. Зов у нее особенный. Удивительный. Слышимый через века! Он передается по наследству, каждому человеку. Теперь твердо знаю, кровь, переходя от отца к сыну (и так из поколения в поколение), помнит прошлое. И когда она просыпается, зовет, происходит невероятное! Кровь та стынет в жилах, ею обливается сердце, воспламеняется память, ее восторги рвутся наружу.

Кровь, которая кипит и которая вещает, и ее понимают лишь двое — ты и она.

Что-то подобное случается, но не часто. И это, похоже, случилось со мной. К тому времени я был увлечен страницами собственной родословной. «Кто есть я? Что есть мои корни?» — эти вопросы доступны каждому. Они, собственно, и увлекли меня в мир Великой Степи...

Я родился и вырос в Москве, окончил университет, защитил диссертацию, а жил со знанием того, что предков и родственников у меня нет, что наш род затерялся где-то на дороге времени. Осталась лишь фамилия, которая началась после 1917 года.

Прошлое жило в подсознании, среди догадок, рождая порой чувство одиночества и неуют. А почему, не понимал. К счастью, тогда и заговорил голос крови — тихо, едва слышно. Голос, не знакомый прежде, мягкий, распевный, родной, он наполнял душу радостью. Я прислушивался, как мог, боясь пропустить даже единое слово.

По его зову поехал на родину предков, в дагестанский Аксай, там и проснулся, словно от чужого сна избавился. Я утешился, отдав сердце этому миру, и вернулся другим человеком: у меня есть родословие, предки, я почувствовал их тепло, и от этой мысли было теплее на душе. Легче стало дышать...

В Москве засел в Военно-историческом архиве — готовил очерк для журнала «Вокруг света». Аджиевы были далеко не последними людьми в обществе, служили в Собственном Его Императорского Величества Конвое в Петербурге, представляли аристократию Кавказа. Потомственные военные или духовные лица, они оставили след в истории Дагестана и России.

Дальше — больше. Захотел узнать о своем народе, о кумыках. Это тюрки, заселившие степи и предгорья Южной России. Вот здесь и столкнулся с удивительным — мой народ не знал своей истории. Как и я. Когда-то на Руси нас называли **половцами**, только кто помнит? Да и вспоминать не принято. Теперь мы — убитый молчанием народ.

Считается, что кумыки вышли на историческую арену к концу XVIII века, когда царские войска уже готовили оккупацию Кавказа. Получалось, до этого нас как бы и не было. Почему?

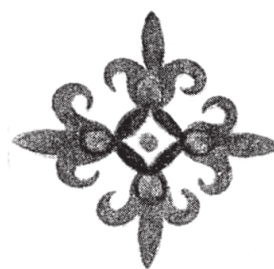
Ответ, который предлагала российская историография, поражал нелогичностью: концы не сходились с концами. Для меня, географа, имеющего представление об экономико-математическом моделировании, огрехи «официальной» версии были очевидны. На ней модель не построишь, модель понимания событий. Научный подход к проблеме делал этот вывод очевидным.

Однако к объективному мнению примешивались и чисто человеческие чувства, какой-то невероятный сплав восторга, гнева, протеста.

Я искренне восхищался предками, возмущался всеобщим незнанием своих корней и страстно желал покончить с вековой ложью. Таким был мой настрой, когда начал писать о своей поездке в Аксай, таким он остается по сей день.

«Кумык из рода половецкого, или Открытие самого себя» назывался мой очерк в журнале

Половец. Реконструкция Г. В. Лебединской по черепу, найденному в погребении близ села Квашиново. Саратовская область. XII—XIII вв.

«Вокруг света», с него веду отсчет тюркских страниц в книге моей жизни. Это был прорыв в сознании и одновременно шаг в неведомый мир.

С той поры смотрю на мир совсем другими глазами, и на Россию тоже. Она — моя Родина, здесь родился, учился, живу. Важно понять простую истину: российская история — это твоя история, и она стала другой — живой, своей, если хотите. Сознание просветлело, когда упали вериги 1917 года.

Теперь я знаю, в каких сражениях участвовали мои деды и прадеды. Их сражения стали **моими** сражениями. Как и вся история России... пусть кровавая, пусть противоречивая, но своя. Буду спорить, могу сомневаться, но лжи и клевете не место в той Истории. Россию надо защищать, а лучшая защита — правда.

Тогда и дал себе клятву, которой следую безоговорочно, — не лгать, не подстраиваться, не угождать даже себе. Писать правду, приятную и неприятную. Интересы побеждают на мгновение, правда — навсегда. С этим убеждением живу...

Очерк о кумыках переполошил редакцию журнала. Историки «патриотической ориентации» слышать не хотели, что есть на свете тюркская культура, что тюрки — отнюдь не «дикие кочевники» и не «поганые татары»... Сейчас даже представить трудно, с каким незнанием мы жили. А было это в 1991 году.

Тогда и нашел свою тропу в науке, отправившись в дальнюю дорогу, в страну по имени **Прошлое**. Так Судьба вывела на полянный простор, навсегда превратив в пленника Половецкого поля...

Великая Степь, или страна **Дешт-и-Кипчак** (так звали ее на Востоке) удивила не своим простором, а вековым туманом, укрывшим ее. И поныне безмолвие окружает страну Половецкую.

Сегодня об этой великой державе Средневековья мало кто знает. То зона молчания. Стал поднимать пласты време-

Половецкое поле —
Великая Степь

ни в Южной России. Порой казалось, что распахи-
ваю нетронутую целину. Но Половецкое поле, его
история уже не отпускали меня, своего вернопод-
данного.

Наше общение обернулось книжкой «Мы —
из рода половецкого!». В небольшой книжечке,
выпущенной в 1992 году, я впервые коснулся тайн
Великой Степи, ее культуры. То было сродни вто-
рому рождению! Мир сделался другим, и я — тоже.

Это было очень важно — стать другим: появи-
лась уверенность, что делаю нужное дело. А вместе
с уверенностью — желание написать новую книгу.
Друзья помогли оформить кредит в банке. Здравая
мысль! С развязанными руками я стал самостоя-
тельным в своих действиях, ощутив на себе справед-
ливость высказывания: «Деньги — это отчечанен-
ная свобода».

Главное — независимость, только она дает свобо-
ду слову. Так удалось издать «Полюнь Половецкого
поля», которая имела шумный успех.

В стране бушевала перестройка, отменили
цензуру, коммунистическую идеологию, а вместе

с ними — старые догмы. В этой бушующей стихии страстей, которая охватила общество, и родился **независимый** исследователь, писатель Мурад Аджи.

Селение Аксай, моя малая родина, подарила мне новый взгляд на новый мир. Я жил будто слепой, и вдруг прозрел. Теперь понимаю, в Аксае был сделан первый шаг к научной теории Великого переселения народов, здесь она дала о себе знать, стала темой моего научного интереса, ею занимаюсь четверть века. В «Саге о Великой Степи» читатель найдет подробности тех лет.

...Годы ушли, пока изучил Алтай, хотя знал Сибирь не понаслышке (проблемы ее освоения были темой моей кандидатской). Однако после знакомства с работами академика Окладникова и особенно профессора Руденко, эта территория обрела особую привлекательность. Их книги помогли найти «свое место» на географической карте Евразии.

Алтай! Тогда еще не родилась наука *алтаеведение*, информация о горной стране была разрознена и не осмыслена. Но я ощущал каким-то даже не шестым, а седьмым или девятым чувством, что такая отрасль знания, посвященная именно Древнему Алтаю, нужна*.

Это почувствовала мировая наука. И открытия посыпались одно за другим. Там, например, как выявили генетики, обитала когда-то особая «порода»

*Здесь повторяю то, о чем не раз писал прежде. Древний Алтай — это вся Южная Сибирь с Байкалом на востоке и Памиром на западе. Огромная горная страна, до Тибета на юге, называлась Алтаем. Современная карта хранит следы того времени: есть Монгольский Алтай, Гобийский Алтай.

людей *Homo sapiens altaensis* — Человек разумный алтайский! Алтай — колыбель неведомой цивилизации.

Уникальное место? Да. Священные горы. Рай земной. Нет, не случайно там зародилась тюркская культура. Хотелось узнать о ней, о своей древней родине, больше: кто, что, как? Забытая Родина...

Знаки и символы исчезнувшей цивилизации отличали ее от всех известных культур человечества, с них следовало начать. Хотелось проникнуть в секрет: как из разных (даже по антропологии) племен удалось создать единый народ, сделать его непобедимым? Как и когда культура Древнего Алтая покорила мир Евразии? Почему Великое переселение народов европейцы называли нашествием гуннов? Кто такие гунны? Куда они исчезли?

Вывод, к которому я пришел, звучал неожиданно: результатом Великого переселения народов, зародившегося на Алтае, стала огромная страна (или группа стран). Она росла, развивалась не одно столетие, пока на карте не утвердилось имя **Дешт-и-Кипчак**.

До XVIII века географические карты хранили это название. Жили здесь тюрки — предки нынешних башкир, казахов, киргизов, кумыков, ногайцев, татар, украинцев и других народов, они были единым народом. В том числе и часть сегодняшних русских.

Ничто не разделяло их, люди жили одной семьей, без границ. У них был один на всех правитель — одно царство и один царь.

Знаки исчезнувшей
цивилизации
Древнего Алтая

Портрет
гунна. Вышивка.
Находка из
кургана знатного
хунну. Монголия.
Рубеж н. э.

К сожалению, политики веками старались, чтобы братья забыли родство. И они забыли. Забыли совсем. Совершенно. Отсюда, от незнания — вечные споры на «историческую тему».

О чем спорить? Огромная степная держава господствовала от Байкала до Атлантики. Она и есть истинно наше Отечество, «край отцов». Предшественница Киевской Руси и других стран Средневековья... Выходит, самые ранние страницы истории государства Российского написаны тюркскими рунами. И это действительно так.

С IV века тюркская речь и тюркская культура доминировали на степных территориях нынешней России. Звучит неожиданно. Но на тюркском языке там велось делопроизводство, по-тюркски читались в церкви молитвы, разговаривали между собой люди. Тюрки дали Европе веру в Бога Небесного. Их слава гремела в раннем Средневековье, их дела, как фундамент, легли в основу европейской культуры... Они были хозяевами Эпохи.

Эхом откликнулось Великое переселение с Алтая в самых глухих уголках Римской империи...

В языческую Европу с приходом тюрков нагрянули грандиозные перемены, они были визитной карточкой Алтая. Новая религия, новая архитектура (готика), новые суды и законы пришли вместе с Великим переселением...

Не стану пересказывать свои книги, каждая со своим лицом, для своего читателя, будь то профессор, студент или школьник. И в каждой я остаюсь верным своей науке — географии. Она позволяет шире смотреть на мир, ориентироваться в пространстве и во времени. Это принципиально новый взгляд на мировую историю — взгляд географа. Он непривычен, но он есть! Тем и отличается труд исследователя от учебника. Что делать, в школе этому пока не учат. В своих книгах я всегда ожидаю встречи с образованным, культурным читателем*. Уверен, для любого умного человека познание нового полезно, с ним можно соглашаться или не соглашаться, но его уже нельзя не замечать — слово заставляет думать и смотреть на мир другими глазами!

*Такого читателя — с высоким уровнем интеллекта и знаний, — который захочет понять, на основании каких фактов я делаю выводы в этой книге, отсылаю к более объемным своим работам, где подробно рассматриваю спорные вопросы. Это «Тюрки и мир: сокровенная история», «Сага о Великой Степи».

Зоркий читатель обязательно заметит, что в книге встречаются места, которые повторяют сюжеты других моих работ. Это — не «самоплагиат», это сделано специально. Таким образом я хотел заострить читательское внимание на темах, которые считаю важными.

Таково свойство познавательных книг, к числу которых отношу и свои. И большое это заблуждение — считать чужое мнение ошибочным, если оно не совпадает с твоим.

Десять книг (не считая переизданий и переводов) написал на «степную» тему, каждая далась потом и кровью. За каждую в прошлые годы грозил расстрел. Теперь их читают в разных уголках Земли. И когда на Алтае сотрудники районной библиотеки показали зачитанную до дыр «Полынь Половецкого поля», сердце сжалось от счастья.

«Меле, дорогой Мурад!» — сказал мне один пожилой читатель. И объяснил, что не мог не сказать этих слов, потому что в старину возгласом «меле» на Алтае подбадривали сказителя, исполняющего героический эпос. На равнодушных слушателей, добавил он, на тех, кто молчал, падало проклятье: «Меле тібеен кізінін палазы пазы тас ползын!» (Пусть у человека, который не сказал «меле», ребенок станет плешивым.)

Это «Меле!» вспоминал потом не раз, потому что моей опорой в работе всегда были читатели. Они — люди разных национальностей, объединенных общим желани-

Алтай.
Священная
гора Уч-Сумер
(Белуха)

ем познать себя и мир, в котором мы живем. Мне это тоже интересно, так мы и породнились. Не поучая, не навязывая своего мнения, предлагаю вместе задуматься над привычным... Словом, просвещаю сначала себя, потом — других. Пишу о том, что считаю важным.

С желания узнать себя открылись мне степной народ, Великая Степь и Алтай. А алтайские дороги, разбегаясь на все стороны света, привели в Индию и на Тибет, Средний и Ближний Восток, в Северную Африку и в Европу, конечно. Всюду находил «алтайские следы». Через Великую Степь шли они.

Тогда и узнал, что святой Георгий имел непосредственное отношение к Алтаю, Великой Степи, Великому переселению народов, гуннам (тюркам) — все это звенья одной цепи. Просто никому не приходило в голову посмотреть на события глазами гуннов. Я сделал это.

Мир постепенно превращался для меня в нечто цельное, большое, неразделимое. А вместе с ним едиными, неделимыми представлялись человечество и его культура. В том новом мире я и повстречался со святым Георгием, человеком, подвиг которого обретал грандиозные очертания. Был сродни сотворению мира!

...А когда узнал, что родился я в день памяти святого Георгия, понял — это моя Судьба.